

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА СНЕГИРЁВА

Писать о любимых людях всегда трудно. Ещё труднее о них говорить. А самое трудное - это о них думать, особенно, когда их уже нет с нами... Остаются одни воспоминания, которые становятся неотъемлемой частью нашего внутреннего мира, нашего существования, нашего "Я".

Вот такие чувства, постоянные, осознанные и одновременно неосознанные, связывают меня с Александром Михайловичем Снегирёвым. Не проходит дня, в котором в какой-то момент я не ощущал бы его близости, его доброго отношения ко мне, его защиты и его отцовской поддержки.

Как огромный подарок, Александр Михайлович появился в моей жизни в трудный момент. Приехав в экзотическую страну Советов, абсолютно готовый ко всему, что потребует от меня жизнь молодого музыканта, с надеждой стать хорошо образованным профессионалом, я совершенно потерял направление - слишком большие впечатления и отсутствие опыта самостоятельной жизни.

Когда я первый раз пришёл в 39ый класс поиграть ему, я принёс Аппассионату и первую Балладу Шопена... Играл, как знал и как мог и, как хотел. Первый вопрос после окончания: "А что Вы хотите делать в жизни?" Ответ: "хочу стать хорошим музыкантом, хочу учиться играть на рояле, композиции и дирижированию". " А! как старые мастера...ну давайте поиграем ещё раз балладу"...

Тридцать лет спустя, всё ещё играю, как могу, как знаю и как хочу, но хорошим музыкантом я стал и во многом, конечно, благодаря ему.

Запоминаются особенные моменты : первый сольный концерт в Малом зале, после которого Александр Михайлович со мной занимался только что сыгранной программой. Незабываемый, волшебный момент, когда во время одного из частых обедов или ужинов в доме Инны Ивановны, он поставил пластинку и я постепенно вошёл в сферу скрябинских томлений и там, впервые услышал имя и волшебную игру Софронцкого. Как забыть, как он мучился с моей сонатой Шумана, и как радовался, когда после долгих месяцев перерыва музыкальных занятий из-за нервной болезни, я опять заиграл. Конечно, были и смешные моменты в классе, например, когда АМ, заходя в 60 класс, нашёл меня с Алёшей

Молчановым в громком творческом процессе игры Сонаты Листа на двух роялях в унисон... Государственные экзамены, прослушивание у Кабалевского в кабинете Щедрина, встреча с Татьяной Николаевой, с Лазаром Берманом и много другое...

Не знаю, как он относился к другим, но со мной он проявлял бесконечное терпение к моим недостаткам, нежно направляя мои, иногда чрезмерные, эмоциональные взрывы к какому-то более умеренно-цивилизованному образу. Как профессор Сечкин ему говорил после моего исполнения Сонетов Петрарки Листа, мои кульминации имели тенденцию быть несколько термоядерного масштаба...

И всё это без запретов, без унижения, без пытки, без насилия, а только улыбкой (в стиле Кеннеди) и мягким, даже когда строгим, голосом. Никогда не заставлял Александр Михайлович меня менять программы, выбранные мной самим. Он высказывал своё пожелание, а я, конечно с высоты моего эстетического самолюбия, выбирал чаще всего программы, которые не всегда точно соответствовали строгой академической линии. Александр Михайлович с невероятным терпением воспринимал мои капризы, и часто, если их и не одобрял, то, во всяком случае, оправдывал.

После моего диплома из КГК, получая направление в аспирантуру, я, конечно, высказал естественное желание продолжать учиться у него, но Александр Михайлович сразу отказал и сказал, что мне необходимо поехать в Московскую Консерваторию. Конечно, для меня это было, может быть, правильно, но тут-то Александр Михайлович сделал невольную ошибку. За пять лет самого близкого общения, и почти родственных отношений, после такого периода ближайших и интенсивных художественных связей, он забыл, что, когда я ему говорил, что моей единственной целью было стать хорошим музыкантом, то это не было романтической или "скромной" заявкой слабого студента. Я действительно никогда в жизни не хотел ничего, больше, чем это, и всякие идеи о конкурсах и вытекающих из них карьерных "последствий" были для меня и моей психики довольно чуждыми.

Когда я уже закончил Московский период моей жизни и уехал на Мальту, начался настоящий бытовой процесс заработка, безработицы, интриг- всего, что полагается в после-студенческой жизни. В какой - то момент, в своей глупой самоуверенности, я считал, что лучше

прекратить общение с Александром Михайловичем, пока не смогу "чем то" похвастаться...И совершенно по моей вине, наш контакт прекратился почти полностью и надолго... За это время, произошла перестройка (мотор и причина тех сильных изменений в жизни практически всех в СССР), моя очередная эмиграция и, что самое важное, моё решение не трогать рояль и по практическим причинам, а также и по глубоко психологическим и художественным рассуждениям.

После 10 лет молчания с моей стороны, я вдруг почувствовал глубокую необходимость связи с моим любимым профессором. Одним письмом (кажется уже электронным!) мы восстановили прерванную связь и продолжили там, где остановились десять лет назад, как будто я никогда не исчезал из его пристального внимания все эти долгие и трудные годы. И опять, как всегда, речь шла исключительно о музыке, мыслях об исполнении. Возобновляя мою пианистическую деятельность, я даже имел счастье получить урок "по корреспонденции", посылая ему записи моей игры и он в ответ, письма со знакомыми фразами, советами, предложениями.

Однажды зимним днём 2003-ого года, я получил по почте пакет, в котором нашёл несколько фото Александра Михайловича с письмом, в котором он меня просил сохранить эти фото, поскольку : "мне скоро не будут нужны"...

Этот жест, как мне тогда казалось, просто интеллигентное оправдание необычного для меня, с его стороны нарциссизма, стал мне понятен своей жестокой неотвратимостью одним грустным поздним летним днём, когда я получил сообщение о его кончине.

В этот момент я как раз был в процессе подготовки программы сольного концерта, который так мечтал ему поиграть.

Записывая эту программу, чувствовал, как Александр Михайлович был со мной. Она ведь так с ним связана! Очень хочется верить, что оттуда, где он сейчас, прослушав мои старания, так как это часто бывало, Александр Михайлович улыбнётся и скажет : "А давай, пожалуйста, поиграй мне программу ещё раз!"...

Brian Schembri
La Frette sur Seine
2014